

-- ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ЭПОХАХ --

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ЭПОХАХ

ЛАРИСА
ВАСИЛЬЕВА

КРЕМЛЕВСКИЕ ЖЕНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(47+57)(092)

ББК 63.3(2)6-8

В19

Дизайн обложки Александра Воробьева

Фотоматериалы предоставлены ФГУП МИА «Россия сегодня»,
фотоагентством EAST NEWS Russia
и ФГУП ИТАР-ТАСС (Агентство «Фото ИТАР-ТАСС»)

Фото на обложке: ФГУП МИА «Россия сегодня»

Фото на 7-й полосе вкладки размещено на основании
статьи 1274 ГК РФ о свободном использовании произведения
в информационных, научных или культурных целях.

Васильева, Лариса Николаевна.

В19 Кремлевские жены / Лариса Васильева. — М. : Издательство АСТ, 2021. — 624 с.; ил. — (История в лицах и эпохах)

ISBN 978-5-17-139206-2

Документально-публицистическое исследование Ларисы Васильевой посвящено судьбам тех женщин, чьи мужья были руководителями советского государства. От Надежды Крупской до Раисы Горбачевой автор рисует портреты «кремлевских жен», повествуя об их характерах, поступках и сложных хитросплетениях их жизненного пути. Какими были эти спутницы первых лиц СССР? Была ли счастливой их жизнь за кремлёвскими стенами? Почему некоторые из них были арестованы или отправлены в ссылку? Особое место в книге занимают те, кто не в роли жены, а в качестве соратницы входил в коридоры Кремля: Лариса Рейснер, Александра Коллонтай, Галина Семенова. Книга построена на уникальных архивных материалах, личных впечатлениях, беседах с очевидцами и воспоминаниях современников.

УДК 94(47+57)(092)

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-139206-2

© Васильева Л.Н., наследник, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

ВСТУПЛЕНИЕ

Кончался двадцатый век. Открывались железные занавесы, глухие двери, плотные шлюзы. Тайное становилось явным. Усталое человечество захлебывалось в потоке информации о прошлом, жадно впитывая этот поток, ища в нем объяснения, обвинения или оправдания неудачам сегодняшнего дня.

Где ошибки?

Кто-то видит их в неправомерности социалистического пути. Кто-то ничего социалистического в этом пути не видит. Кто-то ищет ошибку в тайне приезда Ленина через Германию на землю революционного Петрограда. Кто-то — в большом терроре Сталина, кто-то — в волюнтаризме Хрущева, кто-то — в неподвижности Брежнева, кто-то — в легкомыслии и непоследовательности Горбачева.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет.

В этих строках Бориса Пастернака, кроме волнения о правде бытия, способной уплыть в небытие, увидела я однажды некий второй план: пересуды...

Почему-то люди всегда пишут о важном, но не всегда интересном, о второстепенном же, но жгуче интересном, умалчивают.

Из всей огромной, безумной истории России двадцатого столетия выпали в некий осадок и лежат на дне событий женщины Кремля. Жены.

Кто они?

Какова их роль в общеисторическом процессе? Как отыгралась на них эта роль?

Была ли на самом деле такая роль? Или все обошлось спецкухней?

Не оставались ли они лишь бледными тенями пугающе великих или ничтожных мужей?

А если в жизни на самом-то деле всё происходило иначе и за каждым Его поступком всегда стояла Она?

Так родилась идея книги «КРЕМЛЕВСКИЕ ЖЕНЫ».

Три дороги были передо мной.

Первая — исследования и книги-воспоминания. Где их взять? В наших и зарубежных изданиях, посвященных общечеловеческой, а точнее, мужской истории, о женщинах Кремля — лишь крупинцы, чаще вообще ничего нет. Есть отдельные издания, касающиеся Крупской, Арманд, Коллонтай. Есть их произведения, где об интересном тоже умалчивается. Есть сегодня немало воспоминаний «жен врагов народа» — трагических, волнующих, но тоже скрывающих нечто, самое интересное.

Вторая — легенды, слухи, сплетни. Несolidно? Да. Однако даже серьезные историки говорят, что слухи являются важным источником информации. Да и есть ли женская жизнь без легенд, слухов и сплетен? На этой дороге встретила я с избытком интереснейшего, весьма недостоверного материала, но именно он потянул меня к третьему пути, дабы попытаться установить истину.

Третья дорога — архивы, рукописи, документы, письма, встречи с живыми героинями, с родственниками и близкими знакомыми умерших героинь. Нужно ли говорить, сколь захватывающе интересен был этот путь, на котором ждали меня неожиданные, а порой и сенсационные открытия?

Была еще четвертая дорога — собственная тропа. Так сложилась моя жизнь, что время от времени мне приоткрывались каменные завесы Кремля. Я не жила кремлевской жизнью, но в разные периоды и по разным обстоятельствам на короткое время оказывалась внутри этого своеобразного быта, отчего впечатления, не притупленные повседневностью, были острыми, запоминающимися. Судьба также свела меня с писателем Иваном Поповым, работавшим в эмиграции с Лениным: летом 1953 года, не желая записывать свои уникальные, но, по его мнению, могущие быть опасными знания, он использовал мою память как записную книжку, за что на всю жизнь останусь ему благодарна.

Не могу не сказать спасибо здорововавшим в дни моих поисков кремлевским женам, детям, внукам, племянникам, друзьям ушедших из жизни — всем, кто в сегодняшнем нелегком для них дне нашел возможным рассказать мне не всегда

лицеприятную правду о себе и о любимых, дорогих памяти людях.

Хочу также поблагодарить всех историков и мемуаристов советского периода, как официальных, обмыливших и выгладивших историю, давших мне возможность думать от противного, так и неофициальных, и зарубежных, за то, что ни те, ни другие, ни третьи не додумались до темы «КРЕМЛЕВСКИХ ЖЕН». Выражаю благодарность сотрудникам ЦГАЛИ — директору Наталье Борисовне Волковой, Елене Ермиловне Гафнер и сотруднице библиотеки бывшего Института марксизма-ленинизма Евгении Михайловне Золотухиной.

Каждая моя героиня «самая-самая». Избранница Первого. Иногда — Второго. Или такого яркого Третьего, что не обойдешь. Несколько кажущихся случайными героинь напрямую связаны с темой книги. Все они реальны. Рисую их, я старалась быть объективной, а подобные старания, как известно, приводят к субъективизму. К счастью, у писателя всегда есть возможность соотнести образ с фактами и легендами и, не без помощи воображения, найти свою истину.

В процессе работы мне открылась одна из ошибок, быть может, главная ошибка века — словно иголка в стоге сена.

Узнать ошибку вы сможете, прочитав «КРЕМЛЕВСКИХ ЖЕН» до конца, за что я каждому заранее благодарна.

АВТОР

P. S. На протяжении всей книги вам будут встречаться глаголы, специально выделяемые мною. Это своего рода попытка исследования некоторых глагольных форм русского словаря двадцатого века не с грамматической, а с нравственной стороны.

I.
НАДЕЖНАЯ
НАДЕЖДА

РУМЯНАЯ ДЕВУШКА ИЛИ «СИНИЙ ЧУЛОК»?

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), революционер, марксист, создатель Советского государства. Сын инспектора народных училищ, младший брат террориста Александра Ульянова, повешенного за попытку покушения на императора Александра III. Окончил экстерном юридический факультет Петербургского университета. С 1897 по 1900 г. — в сибирской ссылке. С 1900 по 1917 г. — в эмиграции. Основатель партии большевиков (1903). Автор многих политических книг и брошюр. Вождь Октябрьской революции (1917). Председатель Совета Народных Комиссаров с 1917 по 1924 г. Инициатор плана электрификации страны (ГОЭЛРО) и новой экономической политики (НЭП). С ноября 1922 г. болен, прикован к постели.

Летом 1918 года в Кремле поселилась женщина.

Несколько веков назад из слюдяных окон кремлевских теремов смотрела Наталья Нарышкина, законная царица, молодая жена пожилого царя Алексея Михайловича Романова. Среди воспоминаний о ней осталось немало сомнительных легенд и сплетен.

Говорили, якобы сынок Натальи, Петр, рожден не от Алексея Михайловича, а от патриарха Никона, за несколько лет до появления Петра на свет сосланного царем в далекий монастырь, или даже от царского красавца-конюха, то ли грузина, то ли армянина.

Столетия не пролили света на эти сплетни, а сынок, от кого-то, безусловно, рожденный, благополучно вырос, возмужал и вошел в историю России под именем императора Петра Великого. Именно он, невзлюбив Москву, выстроил себе «столицу на болоте». В Санкт-Петербурге потекла дворцовая жизнь. Его несчастливая, нелюбимая первая жена Евдокия была последней царицей в кремлевском тереме.

Советская власть вернула столицу в Москву. Логично: город в центре Европейской России — надежно укрыт от возможных нашествий. Да к тому же новая власть не хотела обосновываться в покоях недавних властителей: безнравственно борцам за народное дело работать, спать, есть и любить там, где еще

недавно роскошествовали ненавистные большевикам Романовы. Это противоречило бы большевистским принципам, которые и внесла, вместе с небольшим чемоданом, женщина, вошедшая в Московский Кремль в качестве его хозяйки.

Ей было сорок девять лет. Она была немолода и некрасива.

Большое, одутловатое лицо, пухлые, выдвинутые вперед губы — признак страстной натуры, предполагать которую именно у нее никто не рисковал; не подкрашенные никотином белые неровные зубы, открытый крупный лоб — орган мысли; гладкие, на прямой пробор волосы, собранные в пучок на затылке, — их неряшливо выбивающиеся по обе стороны щек клочки — всегда помеха для встречного взгляда; крупный добродушный нос; не тронутые краской брови над широко расставленными глазами навывкате с дрожащими яблоками и веками, сильно наплывающими на глаза, что придавало лицу сонное, снулое выражение; тяжелые мешки под глазами, то ли от бессонницы, то ли от болезни, то ли от того и другого. Фигура не полная, но ровная, без волнующих изгибов; прямая осанка, выдающая воспитанницу хорошей гимназии; медлительная походка; прекрасной формы кисти рук с небрежными, неухоженными ногтями, свидетельствующими, что их владелица, может быть, пишет, может быть, рисует и не заботится о выпячивании того малого, чем могла быть привлекательной как женщина.

Надежда Константиновна Крупская — жена Ленина.

Подруга победителя революции.

Ей предстояло жить в Кремле не в роскоши царских покоев, а в скромной, специально оборудованной для нее с Лениным маленькой квартирке.

Крупская не возражала. Жене вождя пролетариата надлежала скромная жизнь. Ни к чему другому, по всему видно, она и не привыкла. Ничего другого она, видимо, не желала.

Лишь когда муж шумно обрадовался, увидев, что их новое жилище удобно примыкает стеной к его месту работы — Совету Народных Комиссаров, Надежда Крупская грустно покачала головой:

— Удобно. Ни сна, ни отдыха. Никаких перерывов. Сплошная работа.

Новая царица, как некоторые ее поначалу называли, была мало кому известна в России. Четырнадцать лет зрелой жизни до 1917 года, с небольшим перерывом, прожила за границей. Откуда было России знать ее?

А знала ли Крупская Россию, которой ей предстояло в какой-то мере править? Эмигрантская оторванность — факт. Начало двадцатого века — не конец его: нет телевизоров, радио, телефакса.

Думаю, все же Крупская была подготовлена к России более, чем Россия к Крупской. И уж, наверное, больше, чем бывали подготовлены к России немецкие принцессы, два века в роли правительниц и жен восседавшие на русском троне.

Не в укор принцессам и не в похвалу Крупской я говорю это, а справедливости ради, ибо Надежда Константиновна смолоду поставила себе благородную цель: счастье и светлое будущее народов России. Позднее, под влиянием глобально мыслящего Ленина, она расширила целевые границы до лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но желание сделать Россию счастливой вполне уместилось в лозунг.

Была ли счастлива сама Крупская?

Как она понимала счастье?

Ответ на эти вопросы укладывается в историю ее жизни, при всей известности полной загадок и тайн.

В ореоле советского семидесятилетнего официоза имя Надежда Константиновна Крупская, длинное, как нескончаемый забор перед чем-то, куда не хочется заглянуть, навело елеиную скуку на поколения.

Люди, знавшие ее, оставили монотонные, слащаво-благостные воспоминания, за которыми, уж если приходилось с ними по обязанности знакомиться, всегда хотелось видеть нечто противоположное.

— Крупская была образцом верной жены? Что ей оставалось делать, такой некрасивой? Небось, кроме Ленина, никто на нее никогда не взглянул.

— Говорят, он изменял ей с...

— Крупская после революции изо всех сил боролась с религией.

— Говорят, она собственноручно изымала из библиотек замечательные книжки — Чарскую, например, — считая их вредными для пролетарских детей.

— Что она в детях-то понимала, бездетная?!

— И вообще она была настоящей «синий чулок»!

* * *

Елизавета Васильевна Тистрова не глупее других. Она не преувеличивала и не преуменьшала своих возможностей — смотрела правде в глаза. Сирота. Воспитанница Института благородных девиц для сирот, детей офицеров. О какой блестящей партии можно мечтать, оказавшись в Виленской губернии на роли гувернантки в богатой семье?

И все же хорошенькая, умная, образованная, уравновешенная, поэтичная, мастерица на все руки, умелица вести беседу, она привлекла внимание перспективного молодого человека. И сама влюбилась. Константин Игнатьевич Крупский хоть беден, но с образованием — Кадетский корпус окончил. И собой хорош.

Елизавета Васильевна, как любая нормальная женщина, всегда была готова к спокойной, добропорядочной семейной жизни. Хотела детей. Приготовилась жить за мужем как за каменной стеной.

Сначала все было отлично: Крупский получил должность начальника уезда в Гроеце. Это Польша. Четыре года прошли благополучно, если не считать обычных служебных хлопот, без которых не обходится ни одна человеческая жизнь, а также увлечений Константина Игнатьевича революционно- демократическими идеями.

Однако эти две «мелочи» внезапно слились и выросли в большую неприятность: в 1872 году Крупский, замеченный в нежелательных симпатиях, был уволен со службы с приговором «за превышение власти». Лишь через восемь лет мытарств и прошений несправедливый приговор был снят.

Семья Крупских, наскитавшись по разным городам, когда Константину Игнатьевичу разрешили жить в столицах, поселилась в Петербурге. Бедность. Черные лестницы. Грязные дворы.

Надежда, единственная дочь Елизаветы Васильевны и Константина Игнатьевича, родившаяся в 1869 году, росла в атмосфере родительской любви и нежности. Но за дверью их квартиры был мир бедных улиц и ребятишек в лохмотьях.

Иная на месте девочки Нади стыдилась бы своего положения, сторонилась бедных детей, старалась вырваться в «чистый мир».

Иная смиренно приняла бы положение бедного существа и довольствовалась тем, что преподносит ей жизнь.

Надя не сделала ни того ни другого. Она свободно играла с нищими ребятишками и столь же свободно общалась со сверстницами из хороших домов, куда ее старалась водить мать, имевшая связи с подругами, бывшими «благородными девицами», богатыми и знатными. Сообразительная девочка довольно рано уловила, что беды и переживания ее отца выходят за рамки семьи и каким-то образом связаны с бедами многих людей — в доме Крупских нередко звучало слово «революция».

Желая видеть в дочери мыслящую личность, соответствующую требованиям времени, а также дать ей хорошее образование, родители определили Надю в одну из лучших школ России — гимназию княгини Оболенской. Это было частное, но не коммерческое предприятие, а идейное дело, созданное энтузиастами-народниками. У Оболенской учились разные девочки: аристократки, купеческие дочки, дочери революционных разночинцев. Многие из них мечтали посвятить себя идеям служения народу, которые расцветали в наставлениях учителей гимназии, носились в воздухе, преподнося девочкам примеры из жизни.

Во второй половине девятнадцатого века у женщины России, стремящейся к образованию, появилась возможность выйти из семейного круга и оглянуться. Как существо чуткое и отзывчивое, заметила она несправедливости и тяготы жизни. Захотела помочь. Но власть предрержащий мужской мир сам знал, что ему делать. Женщине ничего не оставалось, как обратить свои взоры в противоположную сторону, к ниспровергателям основ, людям, борющимся с властью. Здесь женщину ждала роль верной помощницы мужчины. Это ее устраивало. И она «закатала рукава».